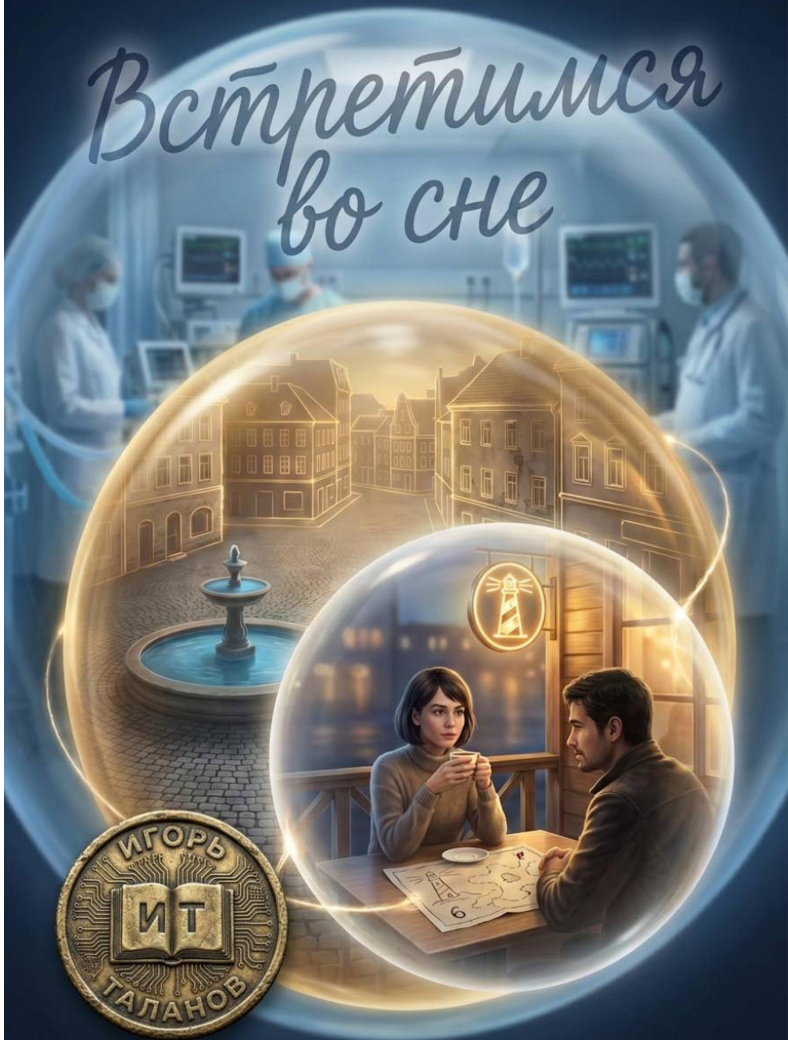

Встретимся во сне

Игорь Таланов

Встретимся во сне

<https://litres.ru/73864333>

SelfPub; 2026

Аннотация

Нейробиолог Марина изучает сны профессионально — она знает, как работает спящий мозг, какие потоки он создаёт и почему. Но когда однажды ночью в её экспериментальном сне появляется незнакомый мужчина — спокойный, как будто ждавший её, — она не может объяснить это никакими данными. Они встречаются во сне каждую ночь. Строят город из света — с библиотекой на холме, кафе у воды и маяком на мысе, который мигает каждые шесть секунд.

Это история о том, как далеко может дотянуться голос, если говорить достаточно долго. О крови, которая спасает дважды — и о том, что некоторые люди находят друг друга раньше, чем успевают познакомиться.

Иногда, чтобы вернуться к жизни, нужно сначала встретить того, чей голос ты слышишь даже с закрытыми глазами.

Содержание

Глава 1. Первая ночь	4
Глава 2. Архитектура снов	14
Глава 3. Донор	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Игорь Таланов

Встретимся во сне

Глава 1. Первая ночь

Марина узнала о трагедии в четверг.

Не в тот четверг, когда это случилось, — тогда она ничего не узнала, просто ехала домой после работы и слушала радио. Играло что-то старое, она не запомнила что. А в следующий момент — не было ничего. Ни радио, ни дороги, ни четверга.

Об этом ей рассказали потом.

Значительно позже.

А пока — была лаборатория.

Лаборатория существовала так, как существуют места, в которых человек провёл слишком много времени: она перестала быть фоном и стала продолжением. Белые стены, которые Марина давно перестала замечать. Три монитора, средний из которых иногда неприятно моргал — она собиралась сообщить об этом техникам уже полгода. Кресло с подлокотником, обмотанным синей изолентой там, где пластик треснул ещё в прошлом году. Запах — специфический, лабораторный, смесь озона от оборудования, растворителя и чьего-то кофе, пролитого на системный блок ещё при прошлом

руководстве факультета.

Марина любила и ценила это место. Не романтически — просто как ценят всё, что работает.

Сейчас было начало девятого вечера. Остальные ушли в половине седьмого. Она осталась — как обычно, без объяснений, просто потому что оставалась всегда. Перед ней на столе лежала распечатка: двадцать три страницы убористого текста с таблицами, графиками и пометками красной ручкой. Пометки были чужие — куратора проекта, Дмитрия Алексеевича, человека осторожного и методичного, который красную ручку всегда держал наготове так, как хирург держит скальпель.

Главная пометка — на титульной странице, обведённая дважды:

«Финансирование под вопросом. Нужны результаты. Жду до конца месяца».

До конца месяца оставалось восемнадцать дней.

Марина отложила распечатку. Встала. Подошла к окну.

За окном был университетский двор — пустой в этот час, только фонарь у центральной дорожки и скамейка, на которой кто-то забыл зонт. Дождь давно кончился, зонт мок просто так, без цели.

Она смотрела на него и думала о проекте.

Система синхронизации сновидений. Звучало либо как научная фантастика, либо как мошенничество — в зависимости от того, кто слушал. Дмитрий Алексеевич относил-

ся ко второй категории, хотя вслух этого не говорил. Он был слишком воспитан для прямых оценок. Вместо этого он пользовался красной ручкой.

Принцип был простым — в теории. Два человека подключаются к системе одновременно. Система синхронизирует фазы сна через нейроинтерфейс — тонкие датчики на висках, затылке, запястьях. Мозг каждого из участников получает идентичный набор сигналов. В результате — по гипотезе Марины, которую она отстаивала три года — возникает общее пространство сновидения. Не похожие сны. Не параллельные. Один сон на двоих.

На первых добровольцах работало — частично: общие образы, цвета, иногда звуки. Один участник видел красный, другой — тоже красный. Один слышал воду — другой описывал «что-то похожее на реку».

Этого было недостаточно. Дмитрий Алексеевич хотел большего. Финансирующий комитет хотел большего. Все хотели большего.

Марина вернулась к столу. Посмотрела на оборудование. Система занимала полстены: три блока обработки сигнала, нейроинтерфейс в двух комплектах, регистрирующий монитор и кресло — специальное, с подголовником и подлокотниками, обтянутое тёмно-серой тканью. Второе такое же кресло стояло рядом. Предполагалось, что в нём будет сидеть второй участник.

Второго участника не было.

Марина смотрела на кресла долго.

Потом начала готовить систему к работе.

Это было нарушением протокола. Она понимала это совершенно отчётливо — так же отчётливо, как понимала, что протокол в данном случае мешал, а не помогал. Протокол требовал двух участников, медицинского сопровождения, предварительного согласования с комитетом по этике и ещё семи пунктов, каждый из которых занимал от двух недель до двух месяцев.

У неё было восемнадцать дней.

Кроме того — и это она себе честно признавала — ей было интересно. Не академически интересно, не профессионально. Просто интересно. Тем детским, неуправляемым интересом, из-за которого когда-то в восемь лет она разобрала мамин будильник, чтобы посмотреть, что внутри.

Будильник потом не собрался обратно. Мама не ругалась — только смотрела с тем особым выражением, которое означало «я не удивлена».

Марина подключила первый комплект датчиков к себе. Виски, затылок, запястья. Настроила регистрирующий монитор — он должен был фиксировать всё, даже если она ничего не запомнит. Второй комплект отложила в сторону: сигнал пойдёт в пустоту, система будет работать в одностороннем режиме. Это даст другие данные, чем при полном протоколе, но хоть что-то.

Она убавила свет. Легла в кресло. Поправила подголов-

ник.

Закрыла глаза.

Подумала: если ничего не получится, никто не узнает. Если получится — будет о чём говорить с комитетом.

Подумала ещё: восемнадцать дней.

Потом перестала думать.

Сначала был просто сон.

Тёмный, бесформенный, без содержания — обычный сон усталого человека, который слишком долго смотрел в монитор. Марина плыла в нём без направления, без интереса, как плавают в полудрёме.

Потом что-то изменилось.

Не резко — плавно, как меняется освещение на закате: не замечаешь момента, но вдруг понимаешь, что час назад было иначе.

Появился свет. Золотистый, густой, с той особой теплотой, которая бывает только в конце августа — когда лето уже решило уходить, но ещё не ушло. Марина почувствовала под ногами твёрдое — брусчатку, неровную, чуть влажную. Запах моря — солёный и чистый, без рыбного привкуса, такой, какой бывает только в открытом море, подальше от портов.

Она остановилась.

Это был город.

Небольшой — она это чувствовала интуитивно, ещё не видя его целиком. Тихие улицы расходились от центральной площади, дома были невысокими, с черепичными крышами

и деревянными ставнями. Нигде — ни одной вывески, ни одного лица в окнах. Не пустынно — просто тихо, как бывает тихо в ранний утренний час, когда город ещё спит, но уже готовится проснуться.

Марина огляделась.

Она знала, что это сон. Часть сознания — та, профессиональная часть, которая никогда не засыпала полностью — фиксировала: осознанное сновидение, хорошая чёткость, тактильные ощущения на уровне выше нормы, что соответствует активации нейроинтерфейса.

Другая часть просто стояла на брусчатке и дышала солёным воздухом.

В центре площади был фонтан — круглый, каменный, с водой такого цвета, какого не бывает в реальных фонтанах: глубокой синевы с зелёным отливом, как море на большой глубине. Вода не шумела — была абсолютно неподвижной, хотя это было невозможно для фонтана. Просто стояла, тихая и глубокая.

У фонтана стоял мужчина.

Спиной к ней. Смотрел на воду. Обычный — насколько можно было судить со спины: тёмные волосы, немного длиннее, чем носят обычно. Куртка. Руки в карманах. Он стоял так, как стоят люди, когда им есть о чём думать и некуда торопиться.

Марина не двигалась.

Она понимала, что это её сон. Что этот человек — про-

дукт её собственного мозга, не более реальный, чем фонтан или брусчатка. Понимала это профессионально, чётко, без сомнений.

Тем не менее — не двигалась.

Потому что что-то было не так. Что-то маленькое, едва уловимое — как та самая разница в освещении на закате, которую не замечаешь в момент. Этот человек был... другим. Не как образ из снов — размытый, непоследовательный, меняющий черты. Он был конкретным. Твёрдым. Слишком настоящим для фантазий её мозга.

Он оглянулся.

Не резко — спокойно, как оглядываются, когда чувствуют чужой взгляд и не боятся его. Посмотрел на неё.

Марина увидела его лицо.

Лет тридцати пяти — сорока. Правильные черты без запоминающихся особенностей, такое лицо, которое не описать точно, но узнаешь сразу. Тёмные глаза — внимательные, с той глубиной, которая бывает у людей, привыкших слушать больше, чем говорить. И — самое странное — абсолютно спокойные.

Без удивления. Без вопроса.

Как будто он знал, что она придёт. Знал давно. И просто ждал — терпеливо, без нетерпения, потому что был уверен.

Они смотрели друг на друга.

Марина хотела сказать что-нибудь. Профессиональное — «это интересно, зафиксируем». Или нейтральное — «доб-

рый вечер». Или просто спросить, кто он и откуда.

Не сказала ничего.

И он — тоже.

Они просто стояли по разные стороны фонтана с неподвижной водой, и золотой свет лежал на брусчатке, и где-то близко — за домами, за крышами — было море.

Марина проснулась.

Резко, как просыпаются от резкого звука — но никакого звука не было. Просто сон закончился: был, и нет. Она сидела в кресле, датчики на висках и запястьях, монитор мигал рабочими данными, лаборатория — белые стены, три монитора, треснутый подлокотник.

Она посмотрела на регистрирующий монитор.

И перестала дышать.

Система зафиксировала двух участников.

Не одного — двух. Два независимых нейрональных набора, два источника сигнала, два присутствия в пространстве сна. Один — она, это понятно, это её собственные данные. Но второй — второй был реальным. Не отражением её мозга, не эхом собственной активности. Самостоятельным. Живым.

Марина смотрела на экран.

На втором комплекте датчиков — том, который она отложила в сторону — мигал индикатор активности. Индикатор, который должен был молчать, потому что никто не был подключён.

Она медленно встала. Подошла к датчикам. Потрогала их. Они лежали на столе — холодные, непристёгнутые, никому не принадлежащие.

Активны.

Марина вернулась к монитору. Начала изучать данные — методично, как умела только она, без паники, без поспешных выводов. Данные говорили одно и то же разными способами: кто-то был там. В её сне — или рядом с её сном. Кто-то достаточно реальный, чтобы система его зарегистрировала.

Кто-то, кто стоял у фонтана и смотрел на воду.

Кто-то, кто обернулся — спокойно, без удивления, как будто ждал.

Марина сохранила данные. Отключила систему. Сняла датчики, аккуратно, по одному. Надела пальто. Взяла сумку.

Вышла из лаборатории. Прошла по коридору. Спустилась по лестнице. Вышла во двор — там было ещё мокро после дождя, зонт на скамейке, фонарь у дорожки.

Дошла до остановки. Дождалась автобуса. Села у окна.

За окном проплывал ночной город — фонари, витрины, редкие прохожие.

Марина смотрела на всё это и думала об одном: она завтра снова ляжет в кресло. Подключит датчики. Закроет глаза. Это не было решением — оно уже было принято. Там, на площади, когда незнакомый человек обернулся и посмотрел на неё так, как смотрят на того, кого давно ждали.

Она не могла объяснить это научно.

Пока — не могла.

Автобус качнулся на повороте. Марина закрыла глаза —
на секунду, просто так.

За веками — золотой свет. Брусчатка. Запах моря.

И фонтан с неподвижной водой.

Она открыла глаза.

Автобус ехал дальше.

Глава 2. Архитектура снов

Следующие две недели Марина жила двойной жизнью.

Днём — лаборатория, совещания, данные, красная ручка Дмитрия Алексеевича на полях её отчётов. Коллеги, кофе, споры о протоколах. Всё как обычно, всё на своих местах. Она отвечала на письма, заполняла таблицы, дважды в неделю ездила на кафедру и один раз — на межфакультетский семинар, где выступала двадцать минут о нейронных потоках в фазе быстрого сна. Выступила хорошо. Ответила на вопросы. Выпила кофе с коллегами из соседней лаборатории.

Всё это существовало.

Но существовало как-то иначе, чем раньше. Немного сдвинуто — как картина на стене, которую перевесили на несколько сантиметров. Формально на месте. Но глаз цепляется.

Ночью была лаборатория, кресло, датчики — и город.

Город менялся.

Не радикально — постепенно, как меняется место, которое ты начинаешь хорошо знать. В первые ночи он был как наброском: площадь, фонтан, несколько улиц, море — угадываемое, но не видимое. Потом появились детали. Переулок за фонтаном с кривым фонарём. Дом на углу с синими ставнями — одна из них была чуть перекошена, скрипела на ветру. Небольшой рынок, закрытый, с убранными прилавками,

но с запахом свежего хлеба, который, кажется, не выветрился никогда.

Марина заметила, что детали появляются не случайно. Каждую ночь — что-то новое. Как будто кто-то методично достраивал город между её визитами.

Мужчина у фонтана — тоже каждую ночь.

Иногда он уже ждал её на площади. Иногда она находила его в переулке или у закрытого рынка — стоял, смотрел на что-то, оборачивался, когда она подходила. Без удивления, без избыточной радости. Просто — оборачивался. Как оборачиваются на человека, которого ждали и которому рады.

На третью ночь они заговорили.

Это произошло без предисловий — естественно, как будто продолжали разговор, начатый где-то раньше. Он сказал: — Вчера был ветер.

Марина остановилась рядом. Посмотрела на фонтан — вода по-прежнему неподвижная, синяя с зелёным.

— Я не заметила.

— Ты пришла поздно. Он уже стих.

Она не стала спрашивать, откуда он знает, когда она приходит. Это был сон, и некоторые вещи в снах узнаются просто так, без объяснений. Она приняла это — профессионально и чуть удивлённо одновременно.

— Откуда дул? — спросила она.

— С моря.

— Значит, море к востоку.

— Да, — сказал он. — Минут десять ходьбы, если не торопиться.

Марина посмотрела в ту сторону. Улица уходила вниз — едва заметный уклон, и в конце её что-то светлело. Горизонт. Или вода. Или просто свет.

— Ты там был?

— Каждый день.

Они помолчали. Не неловко — просто дали тишине побыть.

— Ты давно здесь? — спросила она.

Он подумал. Не долго — секунду.

— Не знаю, — сказал он. — Здесь время работает иначе.

Ты заметила?

— Заметила.

— Это не плохо.

— Нет, — согласилась она. — Не плохо.

С четвёртой ночи они начали разговаривать по-настоящему.

Ходили по городу — медленно, без цели, как ходят люди, которым важен не маршрут, а то, что происходит в пути. Он знал город лучше — или ей казалось, что знал: уверенно сворачивал в переулки, находил маленькие детали, которые она пропускала. Вот здесь — если встать у угла с синими ставнями и посмотреть вверх — видна полоска моря между крышами. Вот здесь — мощение другое, более старое, камни крупнее. Вот здесь — запах чуть другой. Марина не по-

нимала, откуда он это знает, но не спрашивала.

Вместо этого они разговаривали.

О разном. О том, как устроены вещи — не конкретные вещи, а вещи вообще. Почему люди боятся тишины. Почему некоторые запахи возвращают в прошлое точнее, чем любая фотография. Почему хорошая книга после финала оставляет ощущение потери.

— Потому что ты жил в ней, — сказал он однажды. — Пока читал — жил. А потом она закончилась, и надо возвращаться. Это всегда немного как расставание.

— Ты много читаешь?

— Читал, — сказал он. Не добавил ничего. Марина не переспросила.

Они придерживались негласного договора — она это чувствовала, хотя никто его не предлагал вслух. Без имён. Без вопросов о том, кто ты в реальной жизни, где живёшь, чем занимаешься. Это было их пространство — отдельное от всего остального. Со своими правилами, которые возникли сами, без обсуждения.

Марина нарушила договор только однажды — на пятую ночь.

— Я занимаюсь снами, — сказала она. Не планировала. Просто — сказала.

Он посмотрел на неё. В его взгляде было что-то — не удивление, нет. Скорее — понимание. Как будто это объясняло что-то, о чём он думал, но не спрашивал.

— Профессионально? — уточнил он.

— Да.

— Тогда ты, наверное, знаешь, что здесь происходит.

— Нет, — сказала Марина честно. — Именно это и интересно.

Он помолчал. Потом сказал — почти себе, негромко:

— Это объясняет, почему здесь так хорошо нарисовано.

Марина не удержалась и улыбнулась. Он это заметил — и улыбнулся в ответ. Впервые за все ночи. Улыбка была негромкой, как всё в нём — без демонстрации, просто настоящая.

О дочери он сказал на шестую ночь.

Они стояли у закрытого рынка. Марина рассматривала пустые прилавки. Он стоял рядом, и она чувствовала, что он думает о чём-то, что не имеет отношения к рынку.

— Есть одна девочка, — сказал он вдруг. — Дочь. Её зовут Лена.

Марина не обернулась сразу. Дала ему время.

— Она читает запоем, — продолжил он. — Засыпает с книгой. Всегда. Утром книга на полу, она делает вид, что не понимает, как она там оказалась. Я никогда не говорил ей, что знаю.

— Сколько ей?

— Двенадцать.

— Она знает, что ты здесь? — спросила Марина.

— Нет, — сказал он. Голос стал тише, осторожнее — как

бывает, когда говоришь о том, что важно настолько, что боишься это произнести полным голосом. — Она знает, что меня нет рядом. Где я — не знает. Я и сам не очень понимаю.

Марина наконец обернулась. Посмотрела на него.

Он смотрел на пустые прилавки. Лицо обычное, спокойное — но где-то за этим спокойствием что-то жило, что-то, что он привык не показывать.

— Она хорошая? — спросила Марина.

Он помолчал.

— Она лучшее, что было в моей жизни, — сказал он просто. Не как красивую фразу — как факт. Как дважды два. — Просто лучшее из всего. Я думаю о ней каждый день. Особенно когда мы не разговариваем. Тогда — особенно.

Марина кивнула. Не стала говорить ничего — иногда слова делают тишину меньше, а не больше.

Они постояли у пустых прилавков. Запах хлеба никуда не делся.

На седьмую ночь они начали строить.

Это тоже произошло само — без плана, без предисловия.

Они шли по улице, и Марина вдруг сказала:

— Здесь должна быть библиотека.

Он остановился. Посмотрел туда, куда она смотрела: невысокий холм за крайними домами, поросший тёмной зеленью.

— На холме?

— На холме. Чтобы из окон было видно весь город.

— И море.

Он помолчал секунду. Потом — библиотека появилась. Не постепенно, не из тумана — просто стала. Каменная, двухэтажная, с большими окнами и деревянными дверями. Старая — так, как бывают старыми только хорошие библиотеки.

Марина смотрела на неё.

— Ты это сделал.

— Ты попросила.

— Я не просила. Я сказала, что должна быть.

— Это и есть просьба, — сказал он.

Марина не стала спорить. Она думала об улице, которая вела вниз к морю — они ещё не ходили туда, но она знала: там что-то нужно. Что-то, где можно сидеть и смотреть на воду.

— Там, у воды, — сказала она. — Кафе. Небольшое. Со столиками снаружи.

Кафе появилось — деревянное, с открытой верандой, выходящей прямо на воду. Столики без скатертей, простые стулья. Запах кофе и морской соли.

Он смотрел на кафе. Потом — на воду за ней.

— Нужен причал.

— Зачем?

— Чтобы было, откуда смотреть.

Причал вырос из кафе — деревянные доски, слегка потемневшие от воды, уходящий метров на двадцать над

морем. На конце — простые перила.

Марина стояла и смотрела на то, что они построили вместе за несколько минут. Библиотека на холме. Кафе у воды. Причал.

Что-то ещё было нужно.

Она думала секунду. Потом сказала:

— Маяк.

Он обернулся.

— Маяк?

— Вон там. — Она показала вдоль берега — туда, где берег уходил немного в сторону, отдельным мысом. — Небольшой. Каменный. Чтобы был виден отовсюду.

— Зачем?

Она подумала. Это был честный вопрос, и он заслуживал честного ответа.

— Чтобы было куда возвращаться, — сказала она наконец.

Он смотрел на неё. Дольше, чем обычно. С тем выражением, которое она уже начинала узнавать — когда он думал о чём-то важном и не говорил об этом вслух.

Маяк появился — каменный, невысокий, крепкий. Фонарь наверху не горел сейчас, днём, но было понятно: ночью он будет виден издалека.

Они стояли и смотрели на него.

— Хороший маяк, — сказал он наконец.

— Да.

— Ты когда-нибудь видела настоящий?

Марина задумалась.

— В детстве. Мы ездили на море. Маяк был далеко — на другом берегу бухты. Ночью мы смотрели на него из окна. Он мигал каждые несколько секунд. Я не могла засыпать, пока он мигает. Просто лежала и считала.

— Сколько секунд между миганиями?

— Шесть. Всегда ровно шесть.

Он кивнул. Как будто это было важно. Как будто он запомнит.

Дневная Марина между тем жила своей жизнью — но что-то в ней сдвинулось, и это замечали другие.

Коллега Саша — аспирант второго года, специализировавшийся на эпилептических случаях и по совместительству единственный человек в лаборатории, способный говорить о чём угодно, кроме работы, — заметил первым. На девятый день.

Они стояли у кофемашины. Марина смотрела на кнопку «эспresso» и думала о том, что в их городе нет кофемашин — только кофейник на открытом огне, такой, какие были до всего автоматического.

— Ты влюбилась, — сказал Саша.

Марина обернулась.

— Что?

— Ты рассеяна. Опоздала на летучку. Вчера назвала меня Антоном. И сейчас смотришь на кофемашину так, как будто

это что-то очень далёкое и не очень интересное.

— Я думаю о проекте.

— Когда ты думаешь о проекте, ты хмуришься. — Саша налил себе кофе, не торопясь. — Сейчас ты не хмуришься. Ты просто... отсутствуешь. Это другое.

Марина взяла свою чашку.

— Занимаюсь данными, — сказала она. — Ничего особенного.

Саша посмотрел на неё с той хорошей, необидной пронизательностью, которая была его главным талантом.

— Ладно, — сказал он. — Данными так данными.

Марина ушла к себе. Поставила чашку. Открыла файл с данными ночных сессий.

Данные говорили то же самое, что говорили с первой ночи: два участника. Два независимых источника. Стабильно, воспроизводимо, необъяснимо.

Она смотрела на цифры.

В голове — город. Маяк на мысе. Запах хлеба у пустого рынка. Его голос: «Она лучшее, что было в моей жизни».

Марина закрыла файл.

Открыла новый документ. Начала печатать — методично, как умела:

«Гипотеза: аномальная активность второго источника связана с непреднамеренным подключением к системе внешнего участника. Природа подключения неизвестна. Для верификации необходима идентификация источника».

Остановилась.

Посмотрела на то, что написала.

Сохранила. Закрыла. Открыла другой файл — с данными за вчерашний день — и начала работать. По-настоящему работать, как умела: точно, методично, без лишних мыслей.

Лишние мысли она перенесла на ночь.

На одиннадцатую ночь он сказал:

— Ты знаешь, что мне нравится здесь больше всего?

Они сидели на причале. Свесили ноги над водой — вода была далеко внизу, тёмная, тихая. Марина смотрела на маяк — фонарь горел, мигал. Она про себя считала: раз, два, три, четыре, пять, шесть. Ровно шесть секунд.

— Что?

— Здесь нет завтра. — Он говорил негромко, без пафоса, просто. — Есть только сейчас. Этот причал. Вода. Ты. Маяк, который мигает каждые шесть секунд. Больше ничего не нужно.

Марина перестала считать.

Посмотрела на него. Он смотрел на воду — спокойно, без тяжести, с тем выражением, которое бывает у людей, когда они позволяют себе просто быть, не думая ни о прошлом, ни о будущем.

— Тебе нужно это — «только сейчас»? — спросила она.

Он подумал.

— Снаружи много завтра, — сказал он. — Много вещей, которые надо успеть и которые не успеть. Здесь этого нет.

Здесь я просто сижу на причале.

— И этого достаточно?

— Сейчас — да.

Марина кивнула. Она понимала это — по-своему, не так, как он, но понимала. Снаружи тоже было много завтра. Восемнадцать дней, ставших теперь семью. Красная ручка. Комитет. Два независимых источника, которые надо было объяснить.

Здесь — причал, вода и шесть секунд между вспышками маяка.

— Тебе не страшно, что завтра всё-таки придёт? — спросила она.

Он помолчал дольше обычного.

— Страшно, — сказал наконец. — Но это снаружи. А здесь — нет.

Марина не ответила. Смотрела на маяк.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Вспышка.

Она проснулась в три ночи — резко, как в первый раз. Лаборатория, кресло, датчики. Монитор светился данными. Два участника, всё стабильно.

Марина сидела в кресле и думала.

Она понимала, что надо его искать. Профессионально — надо. Данные требовали проверки, аномалия требовала объяснения, комитет требовал результатов.

Она понимала это совершенно чётко.

И так же чётко понимала другое: она не хотела.

Не потому, что боялась работы. Не потому, что ленилась. А потому что — и это она себе признала в три ночи, в пустой лаборатории, честно и без украшений — боялась, что реальность окажется меньше. Что найдёт человека — и человек окажется не тем. Что город из снов не переживёт столкновения с адресом, именем, паспортными данными.

Что шесть секунд между вспышками маяка — просто цифра, которую она придумала сама в детстве, и он просто воспроизвёл её из её же памяти, и всё это — только она, только её мозг, никакого второго источника нет, просто аномалия, просто ошибка системы.

Она смотрела на монитор.

Два источника. Стабильно. Воспроизводимо.

Она сохранила данные. Сняла датчики. Начала собираться домой.

Уже у двери остановилась.

Вернулась к столу. Открыла новый документ. Напечатала быстро, пока не передумала:

«Поиск второго участника. Методология: анализ доступных баз данных, сопоставление с параметрами зарегистрированного сигнала. Начало: завтра».

Сохранила.

Вышла.

В коридоре было темно и тихо. Её шаги отдавались эхом — она всегда была здесь одна в такое время, привыкла к это-

му эху.

Сегодня оно звучало немного иначе.

Как будто кто-то шёл рядом — чуть позади, чуть в стороне. Невидимый, неслышимый — но присутствующий.

Марина не обернулась.

Просто шла по тёмному коридору и думала: завтра начну искать. Буду искать методично, аккуратно, как учёный. Данные, параметры, верификация.

Она сказала себе: я делаю это как учёный.

Потом вышла на улицу, вдохнула ночной воздух — прохладный, с запахом дождя — и честно добавила про себя:

Нет. Не только.

За домами — невидимое, воображаемое, совершенно реальное — мигнул маяк.

Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Глава 3. Донор

Поиск начался в среду утром и занял восемь дней.

Марина работала методично — без спешки, без интуитивных прыжков, без «у меня есть предчувствие». Только данные, только последовательность, только то, что можно проверить и воспроизвести. Именно этому она учила аспирантов на первом семинаре каждого года: наука — это не вдохновение. Вдохновение — это когда задаёшь вопрос. Наука — это когда проверяешь ответ.

Вопрос у неё был.

Ответ она шла проверять.

Первые два дня она занималась тем, что называла «чистой периметра» — убирала невозможное, чтобы осталось возможное, пусть и невероятное.

Технический сбой — первая и самая очевидная версия. Система зафиксировала второй источник, потому что сломалась. Марина проверила оборудование дважды, потом попросила Сашу — под предлогом планового обслуживания — проверить ещё раз независимо. Саша проверил, пожал плечами: всё работает штатно. Сбоя нет.

Артефакт собственного сигнала — вторая версия. Её мозг каким-то образом генерировал поток, который система считывала как второй источник. Марина потратила день на анализ: нет. Потоки слишком различались по структуре. Это бы-

ли два разных человека.

Внешнее подключение через сеть — третья версия, самая технически сложная. Кто-то намеренно или случайно подключился к системе извне. Марина проверила все протоколы доступа, все входящие соединения за последние три недели. Ничего. Система была изолирована — старый принцип, который она отстояла ещё при запуске проекта: никаких внешних сетей, только локальная работа.

К концу второго дня у неё осталась одна версия.

Кто-то находился рядом. Не в лаборатории — физически там никого не было, это она знала точно. Но рядом — в каком-то смысле, который её приборы регистрировали, а её теория пока не объясняла.

Кто-то с аномальной мозговой активностью, попавшей в резонанс с её системой.

Кто-то, кто спал — или находился в изменённом состоянии сознания — в радиусе действия сигнала.

Марина открыла карту и начала чертить круги.

Радиус действия нейроинтерфейса — экспериментальный, непроверенный в таком контексте — она оценила в пятьсот метров, с погрешностью плюс-минус двести. Это было грубо. Это было почти ненаучно. Но это было что-то.

В радиусе семисот метров от лаборатории находилось: три жилых дома, два общежития, административный корпус университета, студенческая поликлиника, отделение банка, две кофейни, булочная и — Марина обнаружила это на чет-

вёртый день, когда расширила поиск в базах данных медицинских учреждений — небольшая частная клиника неврологии.

Она смотрела на адрес клиники.

Четыреста двадцать метров от лаборатории.

База данных клиники была закрытой — разумеется. Но у Марины был официальный запрос от кафедры на доступ к анонимизированным данным о пациентах с нестандартными показателями мозговой активности — запрос, который она подала три месяца назад для другой части проекта и который удовлетворили в стандартном режиме, без особого интереса.

Она воспользовалась этим запросом.

Анонимизированные данные пришли на шестой день. Марина читала их вечером, после того как все ушли, при свете среднего монитора — который снова моргал, и она снова не позвонила техникам.

Пациентов с аномально высокой мозговой активностью в нестандартных состояниях было трое.

Первый — женщина семидесяти двух лет, постинсультное состояние. Марина изучила распределения. Не совпадали по структуре.

Второй — мужчина девятнадцати лет, последствия черепно-мозговой травмы. Распределения были близки, но возрастные маркеры не совпадали с тем, что фиксировала система.

Третий - мужчина, тридцать восемь лет. Находится в кли-

нике несколько месяцев. Состояние стабильное, но без существенной динамики. Мозговая активность — аномально высокая, необъяснимая на текущем этапе наблюдений. Лечащий врач отметил в карте: «Пациент демонстрирует поток активности, нехарактерные для данного состояния. Природа феномена не установлена».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.